

**Оптимизация государственного вмешательства в экономическую жизнь
как составляющая антикоррупционной политики**
**Optimization of the state intervention in economic life
as component of anti-corruption policy**

УДК 330.101

Г. В. Горланов, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)

G. V. Gorlanov, Russian Academy of National
Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Статья посвящена насущной необходимости оптимизации государственного вмешательства в экономическую жизнь как важнейшей составляющей государственной антикоррупционной политики. Анализируется мировой опыт решения данной проблемы в контексте теории и практики дерегулирования. Рассматриваются предпосылки пресечения поиска и реализации политической ренты ее соискателями в условиях современной России.

Ключевые слова: провалы рынка, провалы государства, монополия власти, противодействие коррупции, дерегулирование, принцип subsidiarity, ограничение конкуренции, политическая рента, экономическая рента, рентоориентированное поведение

The article is devoted to the urgent need for optimization of state intervention in economic life as the most important component of the state anti-corruption policy. We analyze the world experience in solving this problem in the context of the theory and practice of deregulation. Preconditions preventive search and realization of political rents its candidates in today's Russia.

Keywords: «failures» of the market, «failures» of the state, the government monopoly, anti-corruption, deregulation, the subsidiarity principle, the restriction of competition, political rent, economic rent, rent-seeking behavior

Введение

Как известно, вмешательство государства в экономику вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимостью выполнения государством его основополагающих функций: обеспечения баланса интересов в обществе и общих условий его жизнедеятельности, которые в режиме рыночного саморегулирования не могут быть реализованы по определению. Во-вторых, провалами рынка.

В экономической теории, как правило, выделяют следующие провалы рынка.

1. Отсутствие внутренних механизмов противодействия тенденции к монополизации рынка.
2. Неравномерность, асимметричность распространения информации и ее недоступность для всех рыночных субъектов.
3. Неспособность производства общественных благ.
4. Отсутствие механизмов социально приемлемого перераспределения доходов и богатства.

5. Наличие внешних эффектов («экстерналий»), требующих компенсационных действий.

Наличие этих провалов в качестве ответной реакции вызвало появление в развитых странах мирового сообщества уже в первой половине XX столетия соответствующих функций государства по защите конкуренции; стабилизации экономики, т. е. контроля за уровнем занятости и инфляции, порождаемых колебаниями экономической конъюнктуры, а также стимулирование экономического роста; перераспределения дохода и богатства; корректировки распределения ресурсов с целью изменить структуру национального продукта.

Основная часть

В результате правомочия государства как в области регулирования экономических процессов, так и перераспределения общественных ресурсов более чем существенно возросли. Но реализация этих правомочий всегда персонифицирована. Более того, государственный чиновник, принимающий соответствующее решение, в существенной мере наделен правом действовать по своему усмотрению. В свою очередь бизнес всегда стремится получить определенные конкурентные преимущества, в том числе и путем получения режима наибольшего благоприятствования со стороны государства. Но использование этого инструмента находится в руках чиновника-бюрократа. В результате налицо конфликт интересов, весьма широкие потенциальные возможности для совершения коррупционных действий. В итоге государственные институты, призванные регулировать взаимодействие бизнеса и государства, могут быть реально использованы для противоправных действий конкретных, персонифицированных субъектов этого взаимодействия: чиновника, с одной стороны, и конкретного бизнесмена — с другой. У первого в виде личного обогащения и благоприятных возможностей для использования механизмов недобросовестной конкуренции — у второго.

Вследствие этого каждое современное государство стоит перед сложным выбором: необходимостью государственного вмешательства в экономику в целях повышения ее эффективности и возможностью появления новых сфер, наиболее благоприятных для развития коррупции. Иначе говоря, или стихийно функ-

ционирующая рыночная экономика с присущими ей неэффективным распределением ресурсов, диспропорциональностью в развитии, социально-экономическими потрясениями, или ограничение условий для коррупции в сфере государственного управления.

Поэтому коррупция может выступать как некий индикатор, позволяющий видеть, насколько успешно или, наоборот, неэффективно государство справляется с поставленными целями и задачами в области регулирования экономической жизни общества. *Иными словами, в данном контексте коррупция выполняет роль (функцию) своеобразного индикатора эффективности (неэффективности) государственного вмешательства в функционирование и развитие национальной экономики.*

Именно в данной связи представители классического либерализма, равно как и неолиберального, неоконсервативного течения, вполне резонно пришли к выводу о том, что государственное вмешательство в экономику неизбежно порождает провалы государства¹. Поэтому необходимо ограничение «чрезмерного вмешательства» государства в хозяйственную жизнь.

О каких провалах идет речь?

Представляется, что в первую очередь таким фундаментальным провалом является монополия публичной власти. Монополия власти — один из важнейших видов естественной монополии со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Поэтому в демократическом обществе объективно обусловлена демонополизация властной сферы в контексте передачи части властных правомочий институтам рынка и гражданского общества. Монополия власти, опирающаяся в своем взаимодействии с бизнесом на монополию олигархической собственности (а собственность в

¹ Здесь необходим, на наш взгляд, учет и того важного обстоятельства, что теория провалов государства возникла на базе и применительно к странам развитой рыночной экономики, где имеют место демократические институты гражданского общества. Очевидно, эти провалы имеют место и в странах переходной экономики. Однако методы и инструментарий преодоления этих провалов по определению не могут быть идентичными, поскольку они должны быть глубоко имманентны качественному состоянию как экономики, так и общества. Но такие важные составляющие теории провалов государства, как, к примеру, теория бюрократии, вполне могут быть взяты на вооружение антикоррупционной теорией и практикой стран переходной экономики.

ее правовом и экономическом контексте есть властно-хозяйственное отношение), закономерно ведет к деформации и той и другой. Ни власть, ни собственность не могут при этих обстоятельствах быть эффективными с точки зрения отражения интересов личности и общества.

Из монополии власти логически проистекает и постулат представителей классического либерализма, в соответствии с которым правительственное вмешательство в экономику неизбежно порождает провалы государства, главным из которых, по их мнению, является неспособность государства обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов.

Поэтому в качестве универсального средства противодействия коррупции в теории и на практике стала либерализация условий экономической деятельности исходя из принципа «чем меньше ограничений, тем меньше и соблазна их нарушения». Отсюда объективная необходимость дерегулирования национальной экономики.

Под дерегулированием в ведущих индустриальных странах мира в 1970—1990 гг. стал пониматься процесс отхода государственных структур от ряда функций контроля и регулирования в экономической сфере, то есть ограничение, свертывание традиционных форм государственного вмешательства в сферу непосредственного производства товаров и услуг, сужение экономической зоны, охваченной государственной собственностью, при одновременном расширении частного капитала [1]. Эти изменения были направлены на обеспечение и стимулирование гибкого реагирования бизнес-структур на стремительные процессы в экономической и социальной сферах.

Иными словами, дерегулирование экономики — это процесс сокращения масштабов прямого государственного вмешательства в экономику, переориентации форм и методов государственного регулирования с «жестких» на более «мягкие», с прямых на косвенные [2]. дерегулирование экономики служит наряду с приватизацией ключевым элементом неоконсервативной модели экономической политики, возобладавшей в развитых индустриальных странах со второй половине 70-х гг. XX в. Сложившаяся ранее на кейнсианской основе система институтов и форм регулирования пришла в противоречие с начавшимся перехо-

дом к постиндустриальной стадии развития, императивами научно-технической революции (НТР) на новом ее витке, растущей интернационализацией экономики. Эта система стала сдерживать стимулы к производительному труду и накоплению и послужила одной из причин глубокой стагнации 1970-х гг.

Дерегулирование включает: реструктуризацию самого государственного аппарата; изменение способов госрегулирования и контроля; поддержку развития некоммерческих и общественных организаций как важнейших институтов современного гражданского общества как дополнения к рынку и замене некоторых институтов государства. Процесс дерегулирования охватил практически весь мир, будучи обусловлен возможностью повышения эффективности производства за счет снятия бюрократических ограничений. Специальные меры по дерегулированию проводились в США, во всех странах Западной Европы, в Израиле, Австралии и Новой Зеландии, в Японии. Пересмотр законодательства, реорганизация контролирующих органов, радикальное расширение прав институтов общественного самоуправления, включая общественные организации предпринимателей, стали обычным явлением последних десятилетий. Причем в некоторых странах дерегулирование было возведено в ранг приоритета государственной политики. В Японии, в частности, был создан специальный государственный орган по дерегулированию, а сам процесс снятия бюрократических препон был организационно подкреплен двумя целевыми государственными планами по дерегулированию экономики.

Вместе с тем реализация неоконсервативной политики дерегулирования экономики с его лозунгом «минимум» государства вела не к полному демонтажу системы регулирования и уходу государства из экономики, а к усложнению экономических функций государства, использованию новых, более гибких и подвижных форм регулирования, их диверсификации. Политика дерегулирования экономики предполагает, что главной функцией государства является формирование окружающей среды для современного рыночного хозяйства, разработка правил игры для его субъектов. Выполнению этой задачи служат административные, экономические и правовые меры, способствующие организации рынка, созданию соответствующей инфраструктуры, ограничению монополистических тенден-

ций, развитию малого и среднего бизнеса, инновационной деятельности предприятий, внесению «прозрачности» в отношения государства и бизнеса. Приоритетное значение приобретают многообразные формы косвенного экономического регулирования: рычаги кредитно-денежной, налоговой, амортизационной, таможенно-тарифной и др. форм экономической политики. О том, что в политике дерегулирования экономики сохраняются элементы кейнсианского наследия, адаптированного к новым условиям, свидетельствует и то, что в развитых странах продолжает действовать общая тенденция к росту доли валового национального продукта, перераспределяемой через бюджет, хотя темпы ее прироста падают. В ряде важнейших сфер, затрагивающих общенациональные интересы, значительную роль играет государственное финансирование. Первостепенное место среди них занимают социальная сфера, поддержка развития наукоемких и высокотехнологичных производств, защита среды обитания.

Таким образом, в современном мире наметилась отчетливо выраженная тенденция к использованию в процессе функционирования и развития общественного сектора национальной экономики рыночных инструментов (инструментария) и передачи ряда функций по регулированию экономических и социальных процессов, управлению отдельными сферами и объектами общественного сектора негосударственным структурам, институтам гражданского общества. Иными словами, функции государства по управлению объектами общественного сектора, по определению носившие нерыночный, административный характер, стали передаваться негосударственным структурам при активном использовании отдельных инструментов рыночного механизма. Тем самым активными действующими субъектами сознательного регулирования социальных и экономических процессов во все возрастающей мере стали выступать институты рынка и гражданского общества, обладавшие более высокой компетентностью по сравнению с органами государственной власти и управления.

Это означает, что дерегулирование как закономерный поступательный процесс разгосударствления национальной экономики в конечном счете сводится к оптимизации взаимодействия институтов государства, бизнеса и гражданского общества. Он осуществляется

в современном мире главным образом в соответствии с принципом передачи (закрепления) известной части властных полномочий экономического и организационного характера за наиболее компетентной в данных обстоятельствах структурой той или иной сферы осуществления жизнедеятельности общества. Иначе говоря, в распределении полномочий (функций) как между отдельными сферами жизнедеятельности общества, так и между их субъектами и носителями господствует принцип субсидиарности — передачи определенных полномочий по регулированию экономических и социальных процессов наиболее компетентной инстанции.

Данная тенденция находит свое выражение в целом ряде направлений, к числу наиболее важных из которых прежде всего следует, на наш взгляд, отнести следующие:

1. Распределение на базе этого принципа полномочий как между различными уровнями государственной власти и управления, так и между последними и органами местного самоуправления. В данном случае принцип субсидиарности нацелен на передачу властных полномочий и соответствующих ресурсов для их осуществления на максимально низкий уровень публично-властной иерархии.

2. В известном приближении данный принцип можно отнести (распространить) и к отдельным случаям передачи непрофильных функций органами государственной (муниципальной) власти и управления на основе аутсорсинга коммерческим структурам.

3. Фактически тот же принцип действует при передаче отдельных объектов, находящихся в публичной собственности, на контрактной основе частному сектору национальной экономики.

4. Данный принцип лежит и в основе передачи отдельных властных полномочий организационно-экономического характера саморегулируемым структурам гражданского общества.

Это одно направление оптимизации государственного вмешательства в экономическую жизнь, являющееся наряду с другими важной составляющей антикоррупционной политики. Как следует из вышеотмеченных фактов, оно преимущественно опирается на минимизацию объектов государственного вмешательства.

Однако меньшее значение в данном процессе имеет и практика минимизация чис-

ла субъектов этого вмешательства — чиновников-бюрократов и их не подлежащих общественному контролю властных полномочий, поскольку ограниченные возможности контроля над государственным аппаратом также признаются наиболее значимым «провалом» государства, способствующим коррупции. Поэтому в экономической науке существует подход к коррупции с позиции теории поиска ренты, где коррупция является одним из «провалов» государства, то есть примером несовершенства государственного вмешательства, в основе которого лежит та же неспособность обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов.

Понятие политической ренты было введено в рамках теории общественного выбора в 70-е годы минувшего столетия американскими учеными Г. Таллоком и А. Крюгером, которые пришли к заключению, что и в условиях представительной демократии основной мотивацией деятельности политиков выступает их стремление к максимизации личной выгоды в виде политической ренты. Последняя преимущественно предстает как экономическая рента, получаемая с помощью политического процесса. Отсюда и проблема поиска политической ренты (*political rent seeking*) как фундаментальной основы современной коррупции.

Таким образом, в условиях рыночной экономики стремление максимизировать свои доходы органически присуще деятельности буквально всех экономических агентов. Альтруизм, мягко выражаясь, не имманентен рыночной экономике. Поэтому максимизация доходов не чужда ни государственному чиновнику, ни политику, ни тем более бизнесмену любого уровня. Их деятельность, помимо стандартных для рыночной экономики методов максимизации прибыли на основе добросовестной конкуренции, может быть нацелена на приобретение специфических преимуществ для получения рентных доходов, превышающих конкурентный уровень доходов на факторы производства, находящиеся в их распоряжении, то есть на поиск политической ренты²[3]. «При некото-

² «Термин «рентоориентированное поведение» определяет любую деятельность, направленную либо на использование монопольного положения, либо на получение доступа к правительственным субсидиям, в отличие от стремления в рыночной экономике к получению прибыли в процессе конкуренции».

рых дополнительных условиях политическая рента позволяет создавать условия для извлечения иных видов ренты путем установления нужных правил игры, безнаказанного нарушения действующих правил или посредством распределения неформальных прав на нарушение правил («друзьям — все, врагам — закон») [4].

Источником политической ренты, равно как и экономической, является монополия власти в виде мощного бюрократического аппарата, интересы которого могут приходиться в противоречие с интересами общества в целом. Даже серьезным и обстоятельным исследователям проблемы политической ренты монополия политической власти представляется нескрушимой³. В определенной мере с этим трудно не согласиться. В экономической сфере тенденция к монополизации сглаживается (сдерживается) антимонопольным законодательством, тогда как во властной (властно-политической) сфере, несмотря на конкуренцию в рамках многопартийности, политической рентой обладает не только партия власти, но и в существенной мере парламентская оппозиция.

Казалась бы, многопартийность обеспечивает эту конкуренцию. Вместе с тем, во-первых, межпартийная борьба также принимает окрас и качество погони за рентой: у оппозиционной партии всегда имеет место быть теневой кабинет. Кроме того, на уровне законотворчества и прямых контактов с правящей партией они могут быть орудием (инструментом) лоббизма определенных групп интересов, осуществляющих спонсорскую экономическую поддержку оппозиции.

³ «Источником политической ренты, как и экономической, является монополия. В нашем случае это монополия на власть. Однако, в отличие от экономической сферы, где монополия и связанная с ней рента могут носить неустойчивый, преходящий и периферийный характер, в политике сама политическая жизнь и государство построены по принципу монополии. Поэтому политическая монополия и, далее, порождаемая ею возможность извлечения ренты обладают рядом существенных отличий по сравнению с экономической рентой. Во-первых, эта монополия носит всеобщий характер и распространяется на все отрасли, сферы и уровни государственного управления. Во-вторых, она носит устойчивый характер и не является временным явлением, которое преодолевается силами конкуренции. В-третьих, она носит закрытый характер, поскольку «вход в отрасль» жестко регламентируется законодательными актами и охраняется аппаратом насилия, находящимся в распоряжении государства». См.: Дементьев В. В. Экономика как система власти. Донецк: Каштан, 2003.

Отсюда логически проистекает объективная необходимость демополизации власти по распоряжению публичными ресурсами, монополии в реализации (выполнении) распорядительных и регулирующих функций. Их выполнение должно быть предметом консенсуса государства и гражданского общества (саморегулируемых структур бизнеса, труда и т. д.). Иначе говоря, в демократическом обществе демополизация властной сферы в контексте передачи части властных полномочий институтам рынка и гражданского общества объективно обусловлена.

Погоня за рентой — это стремление экономических агентов получить экономическую ренту с помощью политического процесса, то есть использование контрагентами взаимодействия общественных ресурсов в личных целях.

Обладателями этой ренты становится каждая из взаимодействующих сторон путем получения соответствующего эффекта в виде экономических благ и преимуществ экономического, политического и имиджевого характера. Одна в виде дохода, вторая — конкурентных преимуществ недобросовестного свойства (недобросовестной конкуренции)⁴. Иначе говоря, политическая рента материализуется у одних в виде дополнительного дохода, у других — в виде полученных конкурентных преимуществ в экономической, политической и общественной деятельности.

Поиск ренты неразрывно связан с искусственным ограничением конкуренции. Само поле действительной экономической конкуренции в коррупционной среде объективно су-

⁴ В. В. Дементьев, в целом исчерпывающе характеризуя содержание политической ренты в качестве ее получателя, рассматривает лишь одну из сторон коррупционного взаимодействия власти и бизнеса. «Под «политической рентой» (далее — рента) будем понимать совокупность индивидуальных благ (экономических, политических, правовых, духовных и др.), которые получает или может получить государственный агент сверх денежных доходов и прочих благ, получаемых им как непосредственный эквивалент затраченного им труда. Иначе говоря, рента — это доходы, превышающие тот их «размер», который мог быть получен индивидом в случае выполнения данного вида деятельности альтернативным образом — при отсутствии монополии на власть. Диапазон благ, входящих в содержание политической ренты, чрезвычайно широк — от дополнительных денежных доходов и расширения возможностей получения материальных благ до разного рода благ нематериального порядка (власти, уважения и т. п.)».

жается. Вместе с тем как таковая конкуренция не исчезает, а переносится из экономической сферы жизнедеятельности общества в политическую. Субъектами данной конкуренции (а точнее, квазиконкуренции) на рынке полномочий по распоряжению экономическими ресурсами общества становятся субъекты политической деятельности и бизнеса. Но если на экономическом поле выигрыш достается на основе объективных характеристик конкурентных преимуществ экономических агентов, то на политическом поле его достижение в существенной мере носит субъективный (субъективизированный), так или иначе опосредованный действиями чиновника характер.

Причем это субъективное решение может приниматься не только в интересах общества, но и вопреки ему. В последнем случае конкуренция приобретает черты явно недобросовестного характера. Вместо того чтобы сглаживать осечки рынка (к примеру, тенденции к демополизации), государственное вмешательство в данном случае усиливает их, обеспечивая демополизацию на политическом поле, а тем самым и на экономическом. В результате за счет этой недобросовестной конкуренции политическая рента присваивается субъектами коррупционного взаимодействия путем отчуждения потенциально возможного в условиях добросовестной конкуренции эффекта от общества в целом. Здесь усилия контрагентов направлены на получение исключительных преимуществ за счет использования возможностей принуждающей силы государства в целях реализации частных интересов, извлечения рентных доходов или политико-административной ренты.

Политическая рента извлекается так или иначе всеми участниками политического процесса:

— политиками, прямо или опосредованно воздействующими на принятия законодательно-властных решений;

— государственными деятелями и чиновниками (бюрократами);

— лицами и структурами, заинтересованными в принятии и реализации качественно определенных решений, то есть бизнесом и политическими структурами определенной ориентации внутри страны и за рубежом.

Конкретно это выглядит следующим образом.

Для отдельных политиков, представленных в законодательных органах власти различного иерархического уровня, в виде:

- расширения базы политической ренты (рентоориентированного поведения), расширяющихся возможностей для воздействия на принятие нужных для данного субъекта властных решений и их соответствующей материализации;

- легальной материализации политической ренты в виде депутатских окладов, социальных пакетов и прочих льгот для себя любимого и семьи;

- благоприятных возможностей роста человеческого капитала, его коммуникационной составляющей, то есть, налаженных связей в сфере (мире) политики, государственного управления, бизнеса и гражданского общества;

- возможности лоббирования интересов заинтересованных групп как средства (в целях) получения нелегальных теневых доходов и иных экономических ресурсов (недвижимости, ценных бумаг и пр.), карьерного роста членов семьи в корпоративных структурах⁵;

- расширяющихся возможностей карьерного роста как внутри политических, так и властных структурах, что в свою очередь еще больше расширяет возможности максимизации политической ренты.

Таким образом, имеет место расширенное воспроизводство рентоориентированного поведения, которое можно рассматривать не как случайность, а закономерность. То есть как для бизнеса «много денег не бывает», здесь «мало ренты не бывает».

Для независимых депутатов законодательных структур всех уровней:

- рост политического имиджа;
- некоторые (ограниченные) возможности лоббирования интересов отдельных представителей бизнеса и малых групп;
- депутатский доход и социальный пакет.

Для политиков несистемной оппозиции в виде:

- роста политического имиджа;
- расширенного воспроизводства потенциала связей внутри страны и в особой мере за-

рубежных как существенной составляющей человеческого капитала;

- возможности посредством участия в деятельности НПО материализации политической ренты в экономическую;

- обладание возможностями реализации эффекта экономической и политической солидарности малой группы в чужеродной среде (национальных, конфессиональных, сексуальных и т. п. меньшинств);

- возможности получения политической ренты в рамках взаимодействия с бюрократическим аппаратом и политическими силами не только своей страны, ни и зарубежных стран.

Для чиновников (бюрократов):

- достаточно высокого уровня оплаты труда;

- служебно-статусных привилегий;

- возможности получения теневых доходов, не сопоставимых с должностным окладом.

Для бизнеса:

- получение конкурентных преимуществ со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями: получения монопольно высокой прибыли, нейтрализации конкурентов, то есть получения доходов, превышающих возможности факторов хозяйственной деятельности, находящихся в его распоряжении.

Заключение

Предпосылки пресечения поиска и реализации политической ренты:

1. *Сокращение правительственного аппарата* (оптимизация бюрократических учреждений) как путем ликвидации дублирующих государственных и муниципальных учреждений, так и передачи части его функций институтам рынка: передачи всего пучка полномочий (приватизация) или его отдельных составляющих посредством концессионных, франчайзинговых, лизинговых контрактов по управлению общественными ресурсами частным учреждениям, а также иных властных полномочий саморегулируемым структурам бизнеса и гражданского общества.

2. *Введение законодательно закрепленных ограничений для определенной части государственных служащих исполнительной власти, внутренних дел, ФСБ для их работы в частных компаниях после ухода с государственной службы.*

3. Последовательное проведение положительно зарекомендовавших себя в мировой

⁵ Проанализируйте лишь состав советов директоров ведущих российских компаний и банков в целом, а государственных и с государственным участием в особенности, и вы найдете реальное присутствие политических и государственных деятелей, эффективно реализующих свою политическую ренту в данном контексте.

практике демократических преобразований по контролю за деятельностью законодательных, исполнительных и судебных структур (институтов).

Во-первых, это касается расширения правомочий парламентской (системной) оппозиции в контексте возможностей использования института парламентских расследований, выявленных ее представителями фактов коррупционных действий властных структур соответствующего уровня и функциональной принадлежности.

Во-вторых, в целях преодоления монополии власти ядра политических партий и движений обязательность включения в уставные документы политических партий принципа ротации руководящих персон и депутатского корпуса в целях пресечения простого и тем более расширенного воспроизводства рентоориентированного поведения (действий) их элитарного меньшинства. Это в полной мере касается не только правящей, но и в меньшей мере оппозиционных партий и движений системного и несистемного характера. Сюда же следует отнести и расширение конкурентных начал в поли-

тических партиях на основе узаконения фракционности.

В-третьих, расширение практики использования мажоритарной системы выборов, поскольку независимые кандидаты обладают меньшим реальным потенциалом рентоориентированного поведения.

4. *Расширение сферы деятельности и обязанностей счетной палаты в следующих направлениях:*

— узаконение обязательности для проверки счетной палатой официально представленных органами СМИ итогов журналистских расследований фактов коррупционных действий политиков, государственных деятелей, чиновников и бизнеса;

— узаконение обязательности проверки результатов расследований структурами (институтами) гражданского общества и прежде всего институтами общественной палаты, народного фронта фактов коррупционных проявлений в органах законодательной, исполнительной и судебной власти федерального, регионального и муниципального уровней.

Список литературы

1. Виленский А. О передаче контрольных и регулирующих функций государства объединениям малых предприятий // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 100—101.
2. Экономическая энциклопедия. М.: ОАО «Экономика», 1999. С. 153—154.
3. Ослунд А. «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 100.
4. Левин М., Сатаров Г. Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 66.

References

1. Vilenskiy A. O peredache kontrol'nykh i reguliruyushchikh funktsiy gosudarstva ob'yedineniyam malykh predpriyatiy [On the transfer of control and regulatory functions of the state associations of small enterprises] // Voprosy ekonomiki. 2003. № 11. pp. 100—101.
2. Ekonomicheskaya entsiklopediya . M. : OAO Izdatel'stvo «Ekonomika», 1999. pp. 153-154.
3. Oslund A. «Rentooriyentirovannoye povedeniye» v rossiyskoy perekhodnoy ekonomike [“Rent-seeking” in the Russian economy in transition] // Voprosy ekonomiki. 1996. №8 . P.100.
4. Levin M., Satarov G. Rentooriyentirovannaya Rossiya [Rent-seeking Russia] // Voprosy ekonomiki. 2014. № 1. P. 66.

Для цитирования: Горланов В. Г. Оптимизация государственного вмешательства в экономическую жизнь как составляющая антикоррупционной политики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 1. С. 13—20.

For citation: Gorlanov V. G. Optimization of the state intervention in economic life as component of anti-corruption policy // Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University. 2016. № 1. P. 13—20.